

Монумент «Непокоренный человек» в Хатыни. Скульптор С.И. Селиханов

ТРАГЕДИЯ ХАТЫНИ

75 лет назад в белорусской деревне Хатынь в запертом сарае были заживо сожжены 149 мирных жителей, из них 75 детей.

Самому младшему – Толику Яскевичу – на тот момент исполнилось лишь семь недель

Текст: **Олег НАЗАРОВ**, доктор исторических наук

В Советском Союзе как зеницу ока берегли дружбу народов, и потому не было принято говорить о том, что немецкие оккупанты совершили чудовищное преступление в Хатыни вместе с украинскими националистами из 118-го полицейского охранного батальона. Между тем это так. Впрочем, бесчеловечная расправа над жителями этой деревни Плесценицкого (ныне Логойского) района Минской области Белоруссии была далеко не единственной.

Трагедию, аналогичную хатынской, пережили многие поселения временно занятой врагом территории СССР. Только в Белоруссии, потерявшей за годы Великой Отечественной войны около тре-

ти населения, по данным руководителя международного проекта по увековечиванию памяти жертв нацистского геноцида «Сожженные деревни» Натальи Кирилловой, «за три года оккупации были превращены в руины 209 городов и городских поселков (при этом их общее количество составляло 270), разграблено и сожжено 9200 сел и деревень, 628 из них разделили судьбу Хатыни (сожжены вместе с жителями), 186 деревень не возродились».

КРОВАВЫЙ ПРОЛОГ У ДЕРЕВНИ ГУБА

Утром 22 марта 1943 года два взвода 1-й роты 118-го полицейского охранного батальона были отправлены для восстановления поврежденной партизанами

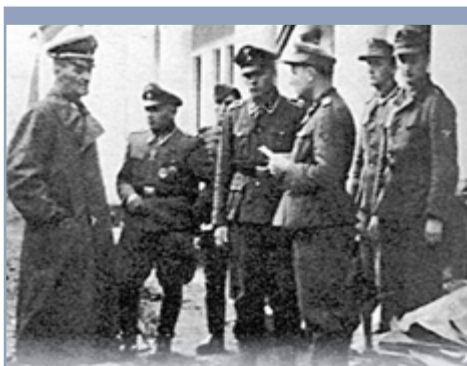
телефонной связи между городским поселком Плесценицы и Логойском. Автоколонну возглавлял шеф 1-й роты гауптман Ганс Вельке – чемпион Берлинской Олимпиады 1936 года по толканию ядра и любимец фюрера Германии Адольфа Гитлера.

Миновав деревню Губа, полицейские встретили людей, занимавшихся вырубкой у дороги. По приказу немецких властей они валили деревья, обрубали сучья, высекали кустарники. На этих работах было задействовано около 40 жителей соседней деревни Козыри, которые на вопрос, видели ли они партизан, дали отрицательный ответ. Проехав по шоссе еще несколько сотен метров, полицейские угодили в засаду, устроенную партизанским отрядом «Мститель»

бригады «Дяди Васи». М.И. Хоптенец, водитель легковой машины, на которой ехал Вёльке, уже после войны свидетельствовал на одном из допросов: «Хорошо помню, что, как только моя автомашина начала спускаться с бугра на шоссе, из лесу по нашей автомашине был открыт огонь. Стреляли с левой стороны шоссе. Вёльке приказал мне остановиться. В этот самый момент пули попали в лобовое стекло, которое разбилось. Осколки стекла засыпали мне глаза».

Вёльке, Хоптенец и ехавший с ними командир 1-го взвода 1-й роты Василий Мелешко выскочили из машины под пули партизан, стрелявших довольно метко. Позже бывший лейтенант Красной армии Мелешко, перешедший на службу к захватчикам, на следствии показал: «Вёльке сначала был ранен в правую руку, ему пальцы пуль перебило. Он все пытался вынуть пистолет из кобуры, но не смог этого сделать. Потом он с большими от ужаса глазами побежал по открытому месту, там и настигла его вторая пуля». В этой перестрелке, согласно донесению от 12 апреля 1943 года шефа 118-го полицейского охранного батальона майора Эриха Кёрнера, кроме Вёльке были убиты трое и ранены двое украинских полицейских.

Когда партизаны прекратили огонь и покинули место боя, уцелевшие полицейские вызвали помощь для организации преследования устроивших засаду. Но еще до прибытия поддержки по команде Мелешко были задержаны лесорубы, заподозренные в связи с партизанами. «Лесорубов построили в колонну и под конвоем повели в Плещеницы, — давал показания впоследствии один из

Особый батальон СС «Дирлевангер» был создан в июне 1940 года. Первоначально он назывался «Браконьерской командой "Ораниенбург"», поскольку это специальное подразделение формировалось из заключенных, осужденных за браконьерство. Командовал ими Оскар Дирлевангер, накануне отправки в Белоруссию получивший звание штурмбанфюрера СС. На оккупированной белорусской территории батальон оказался уже в феврале 1942 года, где получил пополнение из числа полицейских и местного населения. В 1942–1944 годах он осуществлял карательные операции в Могилевской, Минской, Витебской и Гродненской областях, уничтожив около 200 деревень.

участников тех событий, бывший полицейский Степан Сахно. — Вскоре из Плещениц на двух или трех автомашинах прибыли оставшиеся там подразделения 118-го полицейского батальона во главе с шефом батальона немцем майором Кёрнером, командиром батальона майором Смовским и начальником штаба батальона Васюрой. Когда первая автомашина с полицейскими поравнялась с колонной задержанных лесорубов, то

кто-то из полицейских стал стрелять по безоружным людям. Задержанные стали разбегаться. Полицейские открыли по ним беспорядочную стрельбу».

Жертвами той стрельбы стали 26 человек. Раненых лесорубов добились Мелешко и полицейские Панкив, Владимир Катрюк и Иван Иванкив. Скрыться смогли только двое из задержанных. Остальных отправили в жандармерию Плещениц. На следующий день всех лесорубов отпустили, поскольку установить их причастность к нападению партизан не удалось.

ПО РАЗНЫЕ СТОРОНЫ ГОРЯЩЕГО САРАЯ

В то время как небольшая группа полицейских конвоировала лесорубов, другие ринулись преследовать партизан, идя по оставленным на снегу следам. Участие в преследовании приняли и прибывшие из Логойска эсэсовцы батальона «Дирлевангер». Из письма генерального комиссара Белоруссии Вильгельма Кубе, отправленного им 3 июня 1943 года рейхсминистру восточных оккупированных территорий Альфреду Розенбергу, мы знаем, что этот особый батальон СС состоял «почти исключительно из уголовников из Германии». Служили в нем и украинские и русские коллаборационисты.

Партизаны пришли в деревню Хатынь, где сели обедать. Вскоре к Хатыни вышли эсэсовцы и полицейские. Началась перестрелка, в ходе которой трое партизан были убиты, а пятеро получили ранения. Их товарищи под натиском превосходящих сил противника вынуждены были оставить деревню. В нее сразу же ворвались разъяренные каратели.

Они действовали по давно опробованной схеме. Взяв Хатынь в кольцо окружения, полицейские пошли по домам и стали выгонять людей на улицу. Мужчин там было немного, в основном женщины и дети. Всех хатынцев погнали к находившемуся неподалеку от дома кузнеца Иосифа Каминского сараю. В нем пришедшие из Европы изуверы и их пособники учинили чудовищную расправу над безвинными людьми.

Участвовавший в этом злодеянии бывший полицейский Остап Кнап показал: «После того как все жители деревни были согнаны в сарай и заперты в нем, переводчик Лукович поджег соломенную крышу сарая. Находившиеся в нем люди стали кричать, плакать, молить о пощаде, ломиться в запертые ворота.

На оккупированных советских территориях фашисты обязывали жителей носить на шее бирки с названием их родной деревни

Один из немногих выживших жителей деревни Хатынь Иосиф Каминский, потерявший 22 марта 1943 года всю свою семью

В этот момент кто-то из командиров, уже отошедших от сарая и расположившихся у фланга цепи полицейских, дал команду открыть по сараю огонь. Все стоявшие в цепи, и я в том числе, открыли по находившимся в сарае людям стрельбу. <...> Стреляли до тех пор, пока не обвалилась пылающая крыша сарая и не затихли крики и стоны...» Кнап признался, что сделал не менее пяти выстрелов, а крики и стоны, от которых «становилось жутко», затихли не сразу.

Иначе и быть не могло. Находившийся в забитом людьми сарае Иосиф Каминский нарисовал еще более страшную картину: «Я со своим 15-летним сыном Адамом оказался около стены, убитые граждане падали на меня, еще живые люди металась в общей толпе, словно волны, лилась кровь из тел раненых и убитых. Обвалилась горевшая крыша, страшный, дикий вой людей еще усилился. Под ней горевшие живьем люди так вопили и ворочались, что эта крыша прямо-таки кружилась».

Каминскому удалось протиснуться между горевшими односельчанами к дверям сарая и немного продвинуться вперед. Неподалеку он увидел стоявшего и стрелявшего по пытавшимся спастись людям карателя. Одна из пуль попала Каминскому в левое плечо. Кузнец упал, притворившись мертвым. «У меня была в ожогах спина и руки. Лежал я совершенно разутый, так как снял горевшие валенки, когда выполз из сарая, – рассказывал единственный оставшийся в живых взрослый свидетель хатынской трагедии. – Вскоре я услышал сигнал

к отъезду карателей, а когда они немного отъехали, мой сын Адам, лежавший недалеко от меня, в метрах примерно трех, позвал меня к себе – выгащить его из лужи. Я подполз, приподнял его, но увидел, что он ранен в живот пулеметной очередью – словно перерезан пулями пополам. Мой сыночек еще успел спросить: «А жива ли мама?» – и потерял сознание. Я хотел его нести, но скоро понял, что Адам скончался».

Узнать, что его мать мертва, несчастный Адам не успел. А его отец, кузнец-богатырь Иосиф, за один день превратился в раздавленного горем старика. 22 марта 1943 года он лишился всей семьи – жены, дочери и троих сыновей. Потерял и родного брата Ивана. Жена, двое сыновей и три дочери Ивана Каминского также погибли.

Пока одна часть карателей чинила расправу, другая грабила обезлюдевшие избы. Перед уходом из Хатыни они подожгли все дома и строения. За несколько часов деревня превратилась в кладбище.

Весомый вклад в это чудовищное преступление внесли украинские пособники нацистов. От «работы» они не отлынивали, а с детьми обращались столь же бесчеловечно, сколь и со взрослыми. Впоследствии сами каратели рассказали о том, что выбравшегося из горящего сарая и пытавшегося спастись мальчика пяти-шести лет застрелил из пистолета лично командир 118-го полицейского охранного батальона Константин Смowskiй. И так поступал не только он. Бывший эсэсовец Алексей Стопченко признался: «Все без исключения каратели нашего взвода стреляли людей, поджигали дома».

О ТЕХ, КТО ЧУДОМ УЦЕЛЕЛ

Кроме Иосифа Каминского в тот день остались живыми Мария Федорович и Юлия Климович. Получившие ранения и ожоги девушки несколько месяцев скрывались и лечились в деревне Хворостени. Там же они и погибли, став жертвами очередного налета карателей.

Из жителей Хатыни уцелели те, кого в роковой мартовский день не оказалось дома. Счастливицы разминулись со смертью в силу стечения обстоятельств. Утром 22 марта 1943 года Антон Максимович Климович отправил свою дочь Софью в Хворостени к тетке Анне Сидоровне, чем спас девочке жизнь. А вот ее двоюродному брату Петру Соколовскому, напротив, не повезло. Он, житель деревни Ляда, в тот день находился в Хатыни, где остался навсегда. На

118-й полицейский охранный батальон был сформирован в 1942 году в Киеве из военнопленных украинцев и добровольцев из числа западноукраинских националистов. В подобных формированиях за каждым командиром-украинцем присматривал шеф – германский офицер. Так, 118-м батальоном командовал майор Константин Смowskiй, а его шефом являлся майор Эрих Кёрнер. Гауптман Ганс Вельке, чемпион Берлинской Олимпиады 1936 года, был шефом 1-й роты. В конце 1942 года батальон был переброшен в Белоруссию. Он принимал участие в карательных операциях в Минской, Витебской и Гродненской областях, совершив многочисленные военные преступления в отношении гражданского населения.

следующее утро Софья Климович вернулась в Хатынь. Она рассказала: «На месте деревни увидела одни пожарища, на каждом пожарище еще тлели головешки. Возле фундамента своего дома лежала раненая Желобкович Ольга Антонова, которая еще попросила у меня воды, но покуда я принесла воду, она от полученных ран и ожогов скончалась. На бывшей улице деревни также лежали трупы убитых односельчан». Среди них испуганная девчущка нашла обгоревшие трупы отца и других родственников. В их числе был и труп Петра Соколовского, 1933 года рождения.

Вместе с жителями Хатыни погибли Антон Кункевич из деревни Юрковичи и Кристина Слонская из деревни Камено. На свою беду, 22 марта 1943-го они были в Хатыни.

Владимир Яскевич уцелел благодаря собственной предусмотрительности. Он вспоминал: «Партизаны начали уходить. Я тоже, будучи 12-летним мальчиком, побежал с ними, зная, что немецкие карательные войска сжигают деревни и мирных жителей. Отбежав от деревни метров триста в сторону деревни Мокрусь, я залез в яму, где ранее хранился картофель, и там сидел».

Его сверстника Александра Желобковича спасла мать. Александр впоследствии свидетельствовал: «Утром 22 марта партизаны пошли на операцию в сторону шоссе на дороге Плещеницы – Логойск. Проводником у них был я. <...> Примерно к обеду я с партизанами возвратился в деревню и лег спать. Проснулся от шума. Мать мне сказала, а позже я это и сам увидел, что на деревню наступают немецкие каратели. Мать предложила мне сесть на коня и уезжать из деревни в лес. Что я и сделал. Ускакал на коне сразу в лес, а затем уехал в деревню Замостье к тете. Там я увидел в направлении деревни Хатынь столб черного дыма». Переночевав у тетки Марии, утром 23-го Александр вернулся в родную деревню. Среди трупов и пожарищ он увидел жеребенка, неуверенно державшегося на тонких ногах и тыкавшегося мордочкой в снег. Мальчик не сразу обратил внимание на то, что у жеребенка не было нижней челюсти. Жертвой безжалостных карателей стал и он.

Из горевшего сарая сумел выбраться Антон Барановский, 1930 года рождения. Убегая от палачей, он получил ранения в обе ноги. Ребенок дополз по снегу до забора, где забился в спасительный сугроб.

Витя Желобкович, 1935 года рождения, был загнан в сарай вместе со всей его семьей. Когда рухнула полыхавшая крыша, люди кинулись из горевшего сарая – навстречу пулям. Благодаря тому, что Виктор и его мама Анна Викентьевна оказались не в первом ряду, первые пули достались не им. Когда Витя повалился на землю, мать накрыла его собой и шепнула, чтобы он не двигался. Через несколько секунд пуля обожгла мальчику левое плечо, и он вскрикнул:

В 1941–1944 ГОДАХ 628 БЕЛОРУССКИХ ДЕРЕВЕНЬ РАЗДЕЛИЛИ СУДЬБУ ХАТЫНИ: ОНИ БЫЛИ СОЖЖЕНЫ ВМЕСТЕ СО ВСЕМИ ЖИТЕЛЯМИ

«Больно, мамочка, больно!» И сразу же почувствовал, как судорога прошла по всему телу его матери, и та перестала отвечать на вопросы. Как оказалось, навсегда...

«КЛАДБИЩЕ ДЕРЕВЕНЬ» В МЕМОРИАЛЕ «ХАТЫНЬ»

Хатынь, ставшая символом массового уничтожения мирного населения на временно оккупированной нацистами территории Советского Союза, была не первой и далеко не последней дотла сожженной белорусской деревней. Преступления гитлеровцев и их украинских, латышских и прочих пособников зафиксированы

в многочисленных документах. Приведем лишь два из них. 11 июня 1943 года комиссар 10-й Журавичской партизанской бригады и секретарь Журавичского подпольного райкома Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии Игнатий Дикан сообщил в Белорусский штаб партизанского движения: «5 июня карательные отряды немцев, изменников и полиции напали на деревни Каменка, Рисково и Лужок Журавичского района, зверски расправились с мирным населением, сожгли эти деревни. Каменка – из 106 дворов сожжено 94, убито 150 человек, Рисково – из 210 дворов сожжен 101, убито 24, д. Лужок сожжена вся. Весь скот и имущество увезли в Гомель».

Акт о преступлениях, совершенных немецкими оккупантами в деревнях Бегомльского, Борисовского и Плещеницкого районов во время карательной операции с 20 мая по 20 июня 1943 года, невозможно читать без содрогания. В нем отражена череда чудовищных расправ, произведенных гитлеровцами и их пособниками всего за месяц. В частности, документ рассказывает о судьбе деревни Рудня Борисовского района: «Немцы сожгли и разрушили 39 домов и 71 общественную постройку. Зверски замучили, расстреляли и сожгли 84 мирных жителя. Немецкие солдаты собрали всех девушек в центре села и приказали им вымыться в бане, одеть чистое платье, якобы для отправки в Германию, а затем насильовали их и расстреливали. Ужасным мучениям и пыткам были подвергнуты 18-летние девушки Лида Мозолевская и Валя Новичонок».

В 1969 году был открыт мемориальный комплекс «Хатынь». В центре мемориала возвышается шестиметровая скульптура «Непокоренный человек»: отец держит на руках убитого карателями сына. На месте каждого из 26 сожженных полицейскими и эсэсовцами домов установлены обелиски в виде печной трубы и символические первые венцы сруба из серого, цвета пепла, бетона. Обелиски увенчаны колоколами, которые звонят каждые 30 секунд. У всех этих дворов – открывающая калитка, символизирующая гостеприимство хатынцев. Две сомкнутые плиты из траурно-черного лабрадорита напоминают о крыше сарая, ставшего местом гибели жителей деревни. Напротив находится братская могила... Неподалеку на «Кладбище деревень» в траурных урнах хранится земля всех 185 стертых с лица земли гитлеровцами и их пособниками белорусских деревень. 186-я такая деревня – это сама Хатынь. ■